

ШМУНДРИК,
ЧЕРНО-БЕЛОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

ДАРЬЯ ЛОМАКИНА

6+

Дарья Ломакина

**ШМУНДРИК. Чёрно-
белое приключение**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ломакина Д.

ШМУНДРИК. Чёрно-белое приключение / Д. Ломакина —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Я бы ввела новый жанр, "Детская философия", эта книга - именно такая. Здесь нет привычных геройских сюжетов, друзья из книги ведут себя по-простому, но от того читать эту книгу, близкую к жизни, хоть и сказочную, ещё интереснее. Подойдёт детям, которые любят задавать вопросы. Только будьте готовы на них отвечать, уважаемые взрослые! Это история взросления, понимания добра и зла, сложного выбора, искренности и дружбы. Эта книга оставит светлые ощущения, а друзья из книги станут лучшими друзьями ребёнка!

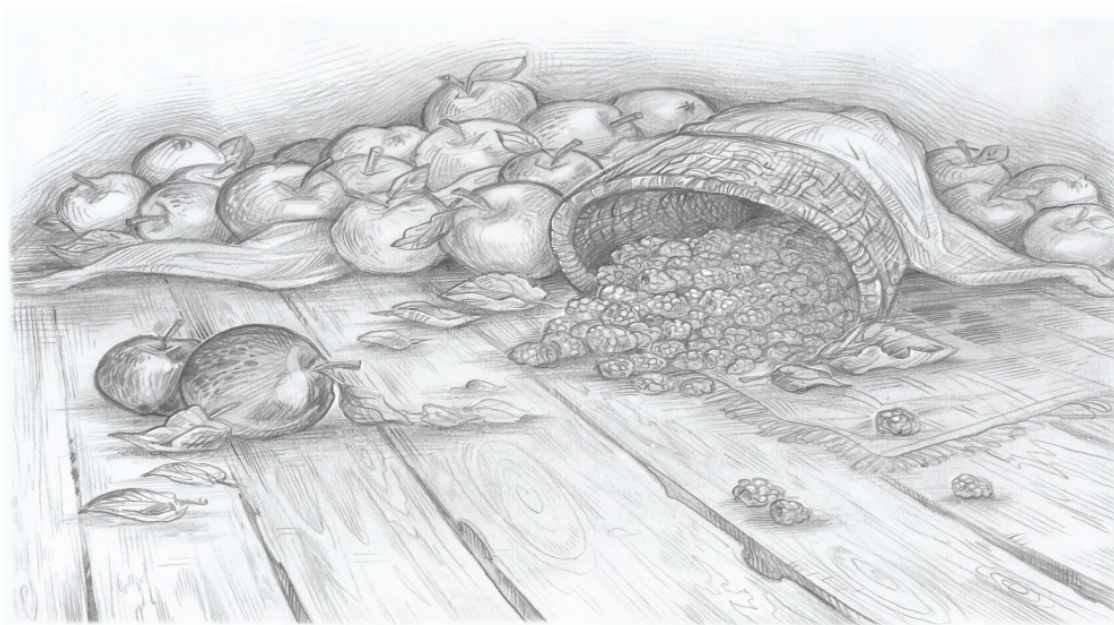
© Ломакина Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Посвящается Верочке Смольниковой

У этой книги очень интересная судьба. Я начинала её писать, когда мне было 14 лет, закончила – в 25. «Шмундрик» пережил пожар, провёл часть жизни в Китае, рукопись несколько раз была утеряна и удивительным образом возвращалась, когда я уже не надеялась. Ещё меня «подстёгивало» то, что вырастают мои младшие братья и сестра, а мне хотелось, чтобы они познакомились со Шмундриком, ещё будучи детьми. СПАСИБО вам, мои родные! Вы – моё вдохновение!

Александр! Во многом, самого Шмундрика я писала «с тебя». Аристарх, думаю, ты догадаешься, кто из героев носит твои черты:) Ариночка, твоя помощь неоценима – и в жизни книги, и в моей. Мама – это безграничная любовь. «Писательская искра» во мне зародилась во многом именно благодаря тебе, Папа! Отдельное, ОГРОМНОЕ спасибо за это!

ГЛАВА 1. «Чай для бабули»

Солнышко только-только поднималось над горами, а он уже встал. Точнее говоря, проснулся. Он любил просыпаться рано-рано утром, когда тишину еще ничто не нарушало, и тихонечко напевать себе под нос простенький мотивчик наподобие: «Пам-пам-парам-пам-пам», а потом прислушиваться, не проснулся ли кто. Когда он понимал, что никого не разбудил, он думал, что будет делать сегодня, и на это уходило изрядное время. Петь он больше не решался, а так как он вообще был маленьким и нерешительным, то и возможности делать что-то грандиозное у него не было.

И после долгих раздумий он, обычно, решал, что подумает потом, а для начала было бы неплохо встать. Минут через 15. Или через 20. Он просто не понимал, зачем ему вылезать из-под тёплого одеяльца, что-то делать, куда-то идти, ведь можно спать и спать... Но тут вдруг в его голову влетело что-то маленькое и почти прозрачное. Когда оно утряслось в его голове, он понял, что это Мыслюшка. Ох, как он боялся этих непонятных существ! Особенно тёмненьких. Он сначала хотел было вытряхнуть её через ухо, но потом вспомнил, что это не помогает, и, смирившись, приготовился слушать, что же она ему скажет. И она начала говорить. Но так

как Мысляшки очень рассеянные, потому что маленькие, он долго не понимал, что же ему пытаются втолковать.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, понял. О! Вы не представляете, как забилося тогда его сердечко! Он мигом вылез из-под одеялки и сел. Немного посидев, он решил, что: «А ведь Мысляшка права. Наверное. Ведь мне и самому приходило это в голову. Правда, не совсем в таком виде и не совсем про это и не совсем сейчас и не совсем мне, но всё же, я не глуп. Наверное. Надо будет спросить маму».

И он слез с кровати и всунул свои маленькие ножки в тапочки. Но тут он вспомнил, что ещё очень рано, что мама, скорее всего, ещё спит, если ей, конечно же, не пришлось в голову встать пораньше и спеть простенький мотивчик. Или сложный, ведь она была уже большая и взрослая, а взрослые придумывают мотивчики посложнее, чем дети. Так подумал он, и всё это не умещалось в его маленькой голове, он окончательно запутался. Он хотел лечь под одеяло и поспать, но вдруг вспомнил, что сказала ему Мысляшка, и передумал.

Он подошёл к маленькому круглому окошку и посмотрел в него. Шёл дождик, мелкий-мелкий, наверное, самый мелкий, какой только может быть. И туман. Сквозь него ничего не было видно. Маленький Он в тапочках уже знал, что такое туман. Но когда первый раз его увидел, а это было тогда, когда он был Очень-Очень Маленьким, то есть не так давно, он сильно перепугался. А как ещё можно отреагировать на то, что все цветочки-василёчки и шмули за окошком вдруг исчезли? Всё то, к чему ты так привык за несколько дней своего существования, вдруг меняется или исчезает, а ты просто не представляешь, что будет с тобой дальше. Непонятная тоска и пустота сменяется вопросом, вполне естественным: «Почему?» Это самый большой вопрос, который только можно задать, и на него всегда очень много ответов, но правильный может дать лишь она, самая любимая Мамочка.

Так думал Очень-Очень Маленький Он в Тапочках и направился именно к ней. И она дала ответ, что туман – это всего лишь множество крошечных капелек, которые появляются, когда воздух холодный, а земля тёплая. И ещё она сказала, что всё то, что спряталось в тумане, потом обязательно вернётся, когда туман уйдёт. И Он поверил ей. А как можно было не поверить? И сейчас, стоя у окна, он также думал про Мамочку, хотел, чтобы она проснулась, пришла и сказала: «Доброе утро, сынок, пойдём умываться и кушать», а он бросился бы ей на шею и спросил всё-всё, что только можно, а она бы непременно дала на все вопросы свои тёплые и понятные ответы.

– Шмундрик, дорогой, что ты делаешь около окошка в такую рань? Тебе надо хорошо спать, ведь ты растёшь.

– Мама, Мамочка! Ты проснулась, ты пришла! Я задам тебе вопрос. Один. Всего один. Можно, Мамочка?

– Конечно, Шмундрик, я отвечу на твои вопросы.

– Сегодня утром, когда я думал, что мне делать сегодня, ко мне залетела Мысляшка...

– Ох, опять? Надо уже покупать ловушку, а то они стали уж больно надоедливы.

– Так вот, я думал, как хорошо вот так спать и спать себе целыми днями, а она... Мамочка, это правда, что если спать целыми днями, то можно потерять свой Самый Главный Смысл в Жизни?

– Ох, сын, а что такое Смысл, Мысляшка тебе не сказала?

– Нет, Мамочка, она улетела так быстро, что я не успел её поймать и спросить, но, если честно, даже если бы мог, я не стал бы её ловить.

– Вот когда ответит, тогда я тебе расскажу ещё кое-что, а сейчас пойдём умываться. – и она направилась к двери. А Шмундрик словно к полу прирос. Он не верил своим глазам, ушам, а также носу, на всякий случай. Его Мама, самая любимая и умная, не ответила на его вопрос! И вообще... Тут у него родилась идея, которая, в отличие от Мысляшки, появляется

сама в твоей голове. Пока Мамочка ещё не переступила порог и не ушла на вкусную кухню, Шмундрик сказал:

– Мамочка, с Добрым утром!

– А? Ага, и тебя, – и она закрыла за собой дверь, исчезнув в дверном проёме и оставив Шмундрика наедине с самим собой, чего делать, мягко говоря, не стоило. Тут же в каждой его клеточке затрепетали эмоции, причём самые разные и самые непонятные. Взрослые умеют их сдерживать в себе, собирают их в какой-то мешочек, который лежит у них в груди, а потом из этого мешочка выкатывается ком накопившихся Эмоций. Или не выкатывается, и тогда мешочек лопаается, а это очень и очень грустно. А маленькие дети не умеют держать Эмоции в себе, они дают им волю в самых разных проявлениях, чаще всего они плачут или смеются, если эмоции хорошие, лёгкие. А Шмундрик был маленьким. И поэтому он заплакал. Заплакал, уткнувшись в тёплое и мягкое одеяло, из-под которого несколько минут назад ему так не хотелось вылезать.

Немного успокоившись, Шмундрик подумал: «Если Мама такая не такая, значит это должно быть из-за чего-то. Но из-за чего? Может быть, ей не нравится мой простенький мотивчик? Ах нет! Она его не слышала, она спала. Ведь так? Так! А может быть, к ней тоже прилетела какая-нибудь Мысляшка? Точно! Она сказала ей что-нибудь такое, из-за чего Мама расстроилась, а тут ещё и я, со своей Мысляшкой! Точно, нужны ловушки!» И Шмундрик, обрадованный тем, что он сам во всём разобрался, побежал умываться, даже не переодев пижамку. Он, наконец, понял, что он будет сегодня делать. Делать Всё Сам. И от этой мысли ему стало так хорошо, что он даже напел ещё один мотивчик: «Пурум-пум-пум-трати-та-та-ля-ля-бум-бум-ля-ля», и не без удовольствия отметил, что его мотивчик стал немного сложнее, а это непременно значит, что он взрослеет. А взрослые Всё делают Сами. И теперь он уже точно понял, что теперь он Сам умоется, Сам покушает, Сам поиграет, Сам погуляет и... в общем, много чего сделает Сам. И он решил немедленно поделиться своей идеей с Мамой, он так хотел, чтобы она порадовалась за него! И ещё, может быть, с бабушкой. И он споёт им свои мотивчики! Пусть поймут, что он уже не Очень-Очень Маленький Шмундрик, а Взрослеющий и...

– Шмундрик, сынок, подойди ко мне, – раздался голос Мамы. Шмундрик и не заметил, как оказался уже возле её комнаты. Он зашёл.

– Мама! Мамочка, я уже взрослею! У меня появился более сложный мотивчик, а сегодня я решил делать Всё Сам! И хочу тебе помочь! Вот! – идея насчёт помощи пришла к нему только что, но он нашёл, что она недурна и решил поделиться ею с Мамой.

– Ох, Сын, – сказала Мама и грустно улыбнулась, а Шмундрик поймал себя на мысли, что его Мамочка отреагировала не так, как он ожидал, а ещё она слишком часто за утро сказала слово «Ох!», а это не могло означать ничего хорошего.

– Мамочка, что-то случилось? Это Мысляшки?

– Сынок, раз ты у меня уже взрослеешь, я, так и быть, скажу тебе. Бабушка заболела, – и она при этом сделала такие грустные глаза, что Шмундрик не мог не сделать то же самое. Но...

– А что значит «заболела»?

– Ох, как бы тебе объяснить? Болезни приходят, когда ты ослаблен или когда стареешь.

– А что значит «стареешь»? – спросил Шмундрик, который, несмотря на то, что вырослел, был ещё очень маленьким и не понимал ещё очень многого.

– Как бы тебе объяснить... Сначала ты маленький, здоровенький, вот как ты сейчас, потом ты взрослеешь, становишься вот как я сейчас, появляется болезнь головы и иногда спины, а потом стареешь, у тебя начинает болеть голова, спина, ноги и вообще... и становишься вот как наша бабушка, – Мама замолчала и посмотрела на Шмундрика. В его маленькой голове ничего не укладывалось, и, чтобы не думать обо всём этом, он спросил у мамы:

– А я тоже буду стареть после того, как стану взрослым? И ты, ты скоро будешь стареть? А что после того, как постарел?

– Ну, знаешь, вообще старость – это не так уж и плохо. И я, конечно, немного преувеличила. У некоторых в старости ничего не болит, но для этого надо заниматься с детства. Все мы когда-то будем стареть, и в этом есть свои плюсы! Когда ты стареешь, у тебя появляется больше свободного времени, а ещё – внуки! И ты печёшь им вкусные пирожки! И... Шмундрик, ты не хочешь сходить отнести Бабушке чай?

– А я... Конечно, Mamочка, давай! Я отнесу Бабуле чай! – Шмундрик сам не понял, как сочинил самую настоящую Рифму, а когда понял это, они с мамой дружно засмеялись, и Шмундрик не заметил, что Мама смеялась как-то наигранно, а если бы заметил, то спросил бы «Почему?», но и тогда мама вряд ли сказал бы ему, что она просто не знает, как ответить на этот вопрос.

Тук-Тук. А потом ещё раз: Тук-тук. Бабушка не отвечала. Тогда Шмундрик решился и приоткрыл дверцу. Бабушка сидела в кресле-качалке и читала книгу, прикрывшись уютным пледом. Шмундрик вдруг вспомнил утреннюю Мысльюшку, но тут же попытался прогнать воспоминание, для этого он сказал:

– Здравствуй, Бабушка! Я принёс тебе чай!

– Шмундрик, мой поедатель пирожков! Проходи скорее! – и он прошёл и аккуратно поставил банку с чаем на кружевную салфетку. В доме было тепло, уютно и пахло пирожками. Он попытался унюхать, с чем они, но начинка надёжно спряталась в тесте и не выдавала, что она такое. Бабушка взяла чай, потом достала таблеточку зелёного цвета, положила её в рот и, поморщившись, запила. Всё это время прошло в молчании, у Шмундрика не хватало терпения (а детям его вообще частенько не хватает) и он наконец спросил то, что мучило его с той самой секунды, как он услышал от мамы утренние новости:

– Бабушка, а ты старая? – и он опустил глаза вниз, а потом посмотрел на неё. Бабушка улыбалась, и уже это придало ему духа.

– Внучек, кто тебе это сказал?

– Mamочка.

– Ох, мы с твоей мамочкой, моей дочкой, по-разному думаем о старости, – и она сделала ещё глоточек чая/ – И что же она тебе наговорила?

– Ох, много всего нехорошего. Что всё болит и... И вообще. Вот. Наверное, это всё, что рассказала мне Мама. А я думал, что так много...

– Ха-ха! Внучек, старость на самом деле – это совсем не то, что ты думаешь.

– Ах да, ещё она сказала, что у старых много времени и внуки.

– Вот это точно! Внучек, устраивайся поудобнее! Я расскажу, что такое старость.

И Бабушка рассказала Шмундрику историю о том, как Весна, Лето, Осень и Зима поделили между собой Детство, Юность, Зрелость и Старость. И она объяснила ему также, что старость – это спокойствие, тёплые воспоминания, душевное умиротворение.

– Как пить ароматный чай с пирожками, укутавшись в уютный плед, долгим зимним вечером...

Шмундрик подошёл и крепко обнял бабушку. Такая «старость» ему нравилась гораздо больше.

– Бабуля, а ты... Ты нашла свой Самый Главный Смысл в Жизни?

– Ох, внучек! Нашла, ещё как нашла!

– А какой он, Бабуля? Он, наверное, большой и вкусный, раз все так хотят его найти?

– Да уж такой вкусный, что и не высказать! Но сколько всего надо пройти, чтобы найти его! – и Шмундрику представились огромные дремучие леса, бурные горные реки, сами горы, крутые и холодные, и он сидел и думал. Бабушка, видимо, тоже думала, а потом вдруг неожиданно спросила:

– Шмундрик, ты любишь Зиму? – и Шмундрик ответил «Да», даже не задумавшись, а потом, немного подумав, сказал тихо:

– Но всё же лето я люблю больше,

Бабушка улыбнулась и через какое-то время задремала, уронив книжку на пол. Шмундрик поднял книгу, аккуратно положил к ней на колени, а потом прислушался к бабушкиному дыханию. Оно было таким еле заметным, что приходилось смотреть, как двигается живот, чтобы не пропустить вдохи и выдохи. Шмундрик вдруг почувствовал себя неопытным и малюсеньким по сравнению с ней. Он послушал ещё немного, а потом пробормотал: «Зиму я тоже очень люблю, правда!» И, не глядя на Бабушку, выбежал из комнаты. А если бы он посмотрел, то увидел бы, как бабушка еле заметно улыбнулась, положила в книгу закладку и продолжила мирно посапывать в кресле-качалке.

Шмундрик вышел из Бабушкиной комнаты, хотел зайти к Маме, но передумал и пошёл гулять в сад. Сад был огромен. Фруктовые деревья с любимыми шмундрикскими парпюльками¹, самсушами² и григерами³ росли ровными красивыми аллеями, правда последних было очень мало, два деревца, да и то они слабо плодоносили. А ещё в саду росла Огромная Редкость. Мама говорила, что она называется, кажется, Яблоня. Её плоды такие необычные, гладкие, ровные – не то, что шипастые григеры. Сначала Шмундрик не решался есть яблоки, всё ходил и любовался, а потом съел и нашёл плоды очень вкусными. Он сказал тогда: «Мм!», а потом «Чавк!», а потом засмутился, потому что Мама с детства учила его есть с закрытым ртом и не чавкать, но яблочко было настолько вкусным, что Шмундрик не стал себе отказывать в подобном удовольствии, тем более что никого рядом не было.

И вот сейчас он сидел за маленьким уютным столиком под этой самой Яблоней и грыз самое настоящее редкое яблоко. Он сидел и думал. А думать в таком маленьком, как у него, возрасте, так много, как думал Шмундрик, было, мягко говоря, вредно. Во всяком случае, так ему как-то сказал его старший друг, точнее не друг, а приятель, Куркунчик. Он, этот самый Куркунчик, тоже как-то думал-думал в детстве и додумался. У него заболела голова. А когда он сказал взрослым о своей, так сказать, додумке, они просто снисходительно промолчали, вздохнули и дали ему очередную таблетку от головной боли. Шмундрик тоже остерегался своих идей и додумок, но ещё больше он боялся, что к нему прилетит Мысляшка, и ему придётся идти домой к Маме за разъяснениями. О чём же он думал? О, он думал о старости, о Самом Главном Смысле в Жизни, о решении делать Всё Сам, которое он так и не исполнил, о тумане, о Маме с Бабушкой и почему-то о тапочках, наверное, потому, что их-то ему сейчас и не хватало. Он сидел и не заметил, как к нему кто-то подошёл. Этот кто-то, наверное, хотел, чтобы Шмундрик сам его увидел, но потом понял, что это бесполезно и заговорил:

– Фью-фью-фью! – тоненьким голосочком пропел таинственный кто-то.

– Ой, птички поют, – не отрывая глаз от земли, сказал Шмундрик.

– Гав-гав. Кря-кря. Муууу. Чик-чирик, – Шмундрик уже заметил неожиданного гостя, но тот так увлёкся, что Шмундрику пришлось его остановить.

– Куркунчик, перестань, – гость тут же перестал каркать и улыбнулся Шмундрику.

Тот улыбнулся в ответ (а именно Куркунчик наведёлся сегодня в гости) и подсел за столик. После стандартного осведомления о делах, настроении, «что новенького» и дружного смеха, который был обязательным при каждой встрече, друзья-приятели перешли к делу. Точнее нет, пока ещё не перешли.

– Что новенького? – спросил Куркунчик. Шмундрик при этом сделал такой заговорщицкий вид, что Куркунчик понял, что новенького немало, причём самого разнообразного. Он даже потёр лапки от предвкушения. От Шмундрика не ускользнул этот факт, и он хихикнул, причём довольно громко, тем самым смутив своего гостя. Но всё же ответил.

¹ Мягкие, сладкие, сочные фрукты, похожи на хурму, но чуть побольше, и шкурка более плотная

² Похожи на груши мякотью, а на огурцы-формой, кисло-сладкие, среднего размера

³ Твёрдая шкурка с большими шипами и очень нежная мякоть со съедобными косточками

– У меня есть цель! Точнее, пока это ещё не цель, но... идея! Да, наверное, так оно и есть, – и Шмундрик замер, ожидая реакции друга. С небольшим замедлением, реакция всё же последовала:

– И?... В чём же твоя Идея?

– Я хочу отправиться на поиски. Конечно, в дороге меня ждут огромные трудности и всё такое, но я готов, ведь я уже взрослею! Что ты думаешь по этому поводу?

– Эээ... А что ты собрался искать? – спросил Куркунчик.

– Ох, ну неужели непонятно? То, что ищут все взрослые или взрослеющие.

– Я ничего не искал, хоть я и взрослеющий, – сомнения Куркунчика по поводу предстоящих поисков всё возрастали.

– Значит, будешь искать, когда повзрослеешь! Обязательно будешь! – Шмундрик говорил об этом так, как будто объяснял что-то настолько элементарное, что не понять это было бы глупо. Но я позволю себе защитить Куркунчика и сказать, что разобраться в том, что говорил Шмундрик, действительно было непросто. Это мы с вами уже столько всего знаем, а Куркунчик ведь только пришёл.

– Ты просто объясни мне, что ты ищешь! И всё! – гость уже начинал терять терпение, что было, впрочем, неудивительно.

– Ох, так уж и быть. Я хочу найти свой Самый Главный Смысл в Жизни, – и он посмотрел на недопонимающего Куркунчика с торжествующим видом. У последнего же вид был, как я уже сказала, недопонимающий.

– Ох, и это называется взрослеющий! – и Шмундрик закатил глаза.

– А кто тебе сказал, что все взрослеющие ищут этот Смысл? – Куркунчик решил подбираться издалека.

– Я Сам додумался. Путём выводов из сказанного мне взрослыми в течение дня, – после этого сад наполнился громким смехом Куркунчика, а Шмундрик, обиженно сложив ручки на груди, плюхнулся на стульчик, нахмурился и отвернулся. Когда гость перестал смеяться, он тоже сел.

– Затея, надо сказать, неплоха, – к удивлению Шмундрика, сказал Куркунчик.

– Неужели? – буркнул Обиженный

– Да-да, надо немедленно привести её в исполнение.

– Что, прям сейчас?

– А почему бы и нет?

– А что я скажу Маме?

– И ты называешь себя взрослеющим? Да ничего не говори! Просто молча соберись и уйди. Ну, можешь оставить записочку «Мамочка, я ушёл далеко и надолго. Люблю, твой сыну-лечка», – с сарказмом произнёс Куркунчик.

– Точно! Я так и сделаю! – Шмундрик, видимо, сарказма не заметил, он убежал в дом, оставив Куркунчика наедине с самим собой и прилетевшей к нему Мысляшкой или, может быть, даже Мыслищей.

Время шло, а Шмундрик всё не появлялся. Гость уже сорвал несколько парпиолек и теперь одну за другой поглощал их. Он ел четвертую, когда услышал громкие голоса из дома Шмундрика, который, надо сказать, находился совсем рядом.

–Нет! Не знаю, что за путешествие ты там удумал, но ты ещё слишком мал!

–Но это очень важное путешествие, мама! Я найду Смысл жизни, Сам! И тебе не придётся мне про него рассказывать! Может, ещё и я, Сам тебе расскажу! – сказал воодушевлённый Шмундрик, и тут же смутился – а не обиделась ли Мамочка? Ведь это она обычно всё ему рассказывала, а тут – он! Как будто он может быть мудрее её... Тут его мысли прервала заглянувшая к ним в гости Бабушка:

–Дочка, а мне кажется, у Шмундрика отличная идея! Тем более, я слышала в саду громкий смех. Я даже сперва испугалась, а потом поняла – это же Куркунчик! Он идёт с тобой? – схватившись за бабушкины слова, как за спасительную соломинку, Шмундрик почти прокричал:

–Да, да! Мой взрослый друг идёт со мной! И он меня сможет защитить, и мы не будем отходить друг от друга! И я смогу вам привезти что-нибудь заморское! Вот будешь ты, мама, сидеть с подружками, и они будут спрашивать удивлённо: «Ух ты, надо же! А откуда у тебя... (Шмундрик из заморского знал только яблоки, да корицу, но всё это было не такой сильной новинкой, чтобы произвести впечатление) И тут на помощь снова пришла Бабушка:

–Ирга! Всегда мечтала попробовать! Говорят, она очень вкусная, и если сидишь под кустом, то оторваться просто невозможно! Я заказываю иргу! А ты, дочка?

–Эх, что же, наверное, придётся тебя отпустить, – Шмундрик готов был запрыгать от радости, но старался показать себя как можно более взрослым, поэтому оставался серьёзным, а эмоции положил в свой «мешочек» в груди. – Но будь осторожен. Если чувствуешь опасность – уходи, даже если твой Куркунчик будет говорить остаться. Вижу, ты уже собрал рюкзачок, но кое-чего там точно нет, пойдём положу вам с собой еды в дорогу.

–Я принесу так много ирги, как смогу донести! Спасибо большое! – он обнял Маму и, прежде чем обнять бабушку, посмотрел на неё взглядом, кричащим «Спасибо»! И можно не сомневаться – бабушка его поняла.

Куркунчик поедал шестую парпиольку, когда с рюкзачком на плечах вбежал Шмундрик:

–Я попрощался с Мамочкой и Бабушкой, и они меня отпустили и дали много всего полезного нам в дорогу, говорили быть осторожнее. Мама сперва не хотела меня отпускать, но я спел ей свой мотивчик, и она сказала, что я очень повзрослел и что раньше я мог вымолвить только «ля», да и то с большим трудом, ещё она сказала, что надеется, что я найду Смысл, а Бабушка попросила привезти ей ирги, правда, я не знаю, что это такое, но всё равно, – выпалил Шмундрик на одном дыхании. – Что ты на это скажешь?

– Будеф папиольку?

– Ох, а ещё называет себя взрослым! Пошли, а то я точно не уйду отсюда. Да не буду я парпиольку, Мама с собой дала, – и он потряс внушительным мешочком перед глазами гостя, который отныне будет уже не гость – пусть он будет Взрослым Другом, так лучше. Они уже уходили, как Шмундрик вдруг вспомнил, что забыл попрощаться с садом. «Пока, садик, пока, цветочки, пока деревья, пока столик, пока домик» – и так продолжалось очень долго, и при каждом новом объекте для прощания взрослый Куркунчик картинно закатывал глаза. Он был Слишком Взрослым для того, чтобы заметить, как прекрасно всё вокруг.

И вот друзья пошли. Они шли-шли, шли-шли, очень устали, сели отдохнуть. Шмундрик оглядел окрестности, чтобы сориентироваться, куда дальше идти. Он сидел, всматривался в местность, которая казалась ему невероятно знакомой, и тут он всё понял.

– Куркунчик, – Шмундрик позвал друга, который дожёвывал всё ту же парпиольку. Той же она была не потому, что друзья мало прошли, а потому, что парпиолька была очень большой, примерно такой же, как раллония, только послаще.

– Фто тебе? Не видиф – я ем! – Куркунчик ел всю дорогу, не увидев это было просто невозможно.

– Куркунчик, тебе ничего не напоминает дом, который ты видишь перед собой? – и Шмундрик указал на небольшой уютный теремок, больше напоминающий пряничный домик. Куркунчик внимательно взгляделся, потом признал, что действительно, вокруг что-то знакомое. А потом выкинул парпиольку. Точнее, уронил. Видимо, он тоже всё понял.

– Эээ... значит, это так и надо, ведь так? Если мы сюда пришли, значит, нас кто-то привёл сюда, а этот кто-то, должно быть, наш друг. И он решил нам помочь. Или враг, и он решил нам помешать... Как бы то ни было, войдём, потому что я думаю, что я сам привёл нас сюда. Автоматически, так сказать, – и они вошли в «пряничный» домик, где их встретила мама Куркунчика.

– Куркуся, дорогой, ты так быстро вернулся? – и Мама поцеловала Взрослого друга, или маленького Сынишку (что одно и то же) в носик. Куркунчик выглядел смущённым.

– Мааам, – обиженно протянул он, – я же просил так меня не называть!

– Хорошо-хорошо, ведь ты уже взрослый, – последнее слово Мама сказала с иронией, при этом потрепав Куркунчика за щёку. Шмундрик засмеялся, а потом неловко откашлялся и поздоровался с мамой Куркунчика, которая, в свою очередь, пригласила их за стол. Друзья сели. Мама приготовила им чай с номилом и поставила на стол булочки. О! Это потрясающие булочки! Горяченькие, мягкие, они источали сладкий аромат корицы, которая тоже считалась огромной редкостью. А вкус! Сладкий восторг, который ощутил Шмундрик, невозможно было описать. Он кушал, забыв обо всём на свете, иногда только прикладывая свою булочку к носу и вдыхая вновь и вновь аромат корицы и печёной парпиольки. И тут Шмундрику так перехотелось куда-либо идти, что он решил вызвать Куркунчика на срочное совещание. Да, он так и сказал:

– Куркунчик, нам надо срочно отлучиться на срочное совещание, ты понимаешь? – он заговорщически подёргал бровями для важности, и Куркунчик проникся.

– Мама, мы с моим Маленьким другом, – он никогда не упускал возможности при Маме показать, что есть кто-то меньше его, – отлучимся на срочное совещание по делам особой важности, – и при этом указал на Шмундрика, который делал такой серьёзный вид, что это выглядело очень смешно. Мама Куркунчика ничего против не имела, да и как можно, если это Дела особой важности. И Шмундрик с Куркунчиком пошли в зал обсуждать эти самые дела. Но Шмундрик, не дойдя до двери, быстро вернулся, подбежал к столу, взял булочку и убежал обратно на совещание, заставив тем самым маму Куркунчика тихонечко рассмеяться. И вот они сели в зале, и Шмундрик начал:

– Знаешь, я не хочу никуда идти. Вот, – и он сложил руки на груди.

– Вот как? А как же великий Самый Главный Смысл в Жизни? Это же... Ты сам говорил, как это важно и что все взрослеющие, как мы с тобой, ищут его. А если мы не будем его искать, то у нас его не будет. И мы не сможем стать взрослыми. А ты так и хочешь навсегда остаться маленьким ребёночком? Я – нет! Если ты не пойдёшь, я пойду один! – и Куркунчик гордо поднял свой маленький носик.

– Но смотри, тучки собираются, сейчас может пойти дождик. Ты хочешь промокнуть и заболеть? Не лучше ли посидеть в уютном креслице и покушать этих замечательных булочек? В конце концов, если очень сильно захочется, можно отправиться завтра, – и он откусил кусочек. Взрослый друг смотрел на него с разочарованием. И вдруг Шмундрик вспомнил Мыслюшку, которая прилетела к нему, и задумался. В первую очередь о том, что же такое этот самый Смысл Жизни. Немного подумав, он пришёл к выводу, что не знает о нём совершенно ничего, кроме того, что его надо найти. Но где же он прячется? Шмундрик заглянул под кресло на всякий случай, но там его не было. Или был? Ведь Шмундрик совсем не знал, как этот самый смысл выглядел. Он заглянул ещё раз под то же самое кресло, при этом тихонечко прошептал: «Смысл, ты здесь»? Но ответа не последовало, тогда Шмундрик успокоился. А потом представил, как он будет ходить по всей огромной, прямо-таки необъятной Стране и загляды-

вать под каждый кустик, под каждую корягу, в каждый домик, а в нём под каждый коврик и совсем перехотел идти искать его. Но тут он опять вспомнил Мысляшку. Ох, и правда, нужны ловушки. Что самое странное, Мысляшки всегда оказывались правы.

Один раз Шмундрик гулял зимой. А зимой было очень холодно даже в городе Иков (город назывался так потому, что народец, живущий там, назывался Ики). И он гулял долго, его ручки очень замёрзли, а носик замёрз настолько, что даже немного светился. И вот он стоял и думал – что делать? А это, между прочим, после «Почему?» самый большой вопрос, и ответов на него всегда бывает много. Или вообще не бывает. Вот к нему и прилетело тогда две Мысляшки. Одна была очень маленькая и сказала что-то про варежки и снежинки, а вторая, видимо, была постарше, потому что была поумнее, а взрослые всегда умнее детей, думал Шмундрик. И она сказала ему идти домой, приложить ручки к батарее, а на носик положить компресс с настоем из бамырника, чтоб не отвалился. Шмундрик тогда ещё не боялся Мысляшек, они все приходили полезные и добрые, как будто их присылала Мама. И он сделал всё так, как сказала ему Мысляшка. И всё было хорошо... Он так и не узнал тогда, откуда они берутся, забыл спросить Маму. Но ничего, он был уверен, что найдёт ответ на этот вопрос. Обязательно найдёт! И он уже взрослеет, пора перестать спрашивать Маму, надо узнавать самому! И Шмундрик наполнился решительностью. Как же часто всё-таки в детях меняются чувства! И маленький друг обратился к большому:

– Пошли, Куркунчик!

– Куда? На улицу, где тучки и дождик? А как же булочки? – с нескрываемым сарказмом передразнивал Куркунчик.

– За Смыслом! Я, кажется, знаю, где его искать!

– Правда? – Куркунчик тут же воодушевился, потому что, как уже было сказано, в детях очень часто меняются чувства.

– Не знаю, но ведь надо попробовать! Собирай вещички, отпрашивайся у Мамы и в путь! Если повезёт, мы поймем лётомобиль и поищем смысл с высоты, а с высоты, как известно, видится лучше, ведь взрослые смотрят на нас с высоты и всё видят и замечают. Так чего же ты стоишь?

– Я уже иду собирать вещи, а у Мамы мне не надо отпрашиваться, ведь я уже взрослею! – старший друг не упускал возможности покичиться своим возрастом. Через несколько минут, очень короткое время, Шмундрик услышал шаги Куркунчика, такие лёгкие, он шёл на цыпочках, а потом звук шагов перерос в другой: «Мамочка, можно мы со Шмундриком пойдём искать Самый Главный Смысл в Жизни? Он маленький, а его и то отпустили, а я уже взрослею, я смогу за себя постоять, и я взял с собой всё необходимое», – и, судя по шороху, Старший друг потряс дорожным мешочком с собранными вещами перед мамой. И мама отпустила его, потому что понимала, как это важно для её сына. Куркунчик пришёл в зал и браво сказал: «Я готов!», а Шмундрик не стал шутить про взрослость, чтобы не испортить другу настроение. И они вместе вышли за порог тёплого дома в сырость и темноту осеннего вечера навстречу неизвестно чему, но чему-то такому, чего они оба сильно желали.

ГЛАВА 2. «Говорящее дерево и блестящая лейка»

...Они шли уже четыре дня и сильно промокли. Лётомобиль они, конечно же, не поймали, съели все парпюльки и четыре булочки каждый, то есть – тоже все. Смысл пока так и не нашли, зато промокли до ниточки и очень устали. Им уже не хотелось ничего, кроме тёплой мягкой постельки, чая и плюшевой игрушки, которую каждый из них хотел взять, но не стал, побоявшись того, что друг станет над ним смеяться. От решимости и энтузиазма не осталось и следа, а дорожка всё тянулась и тянулась тонкой ниточкой и, как и дождик, казалась бесконечной. Друзья хотели было повернуть назад, так как безвыходность их положения была очевидна, как вдруг:

– Куркунчик, я вижу огоньки! Куркунчик, мы пришли куда-то! Мне кажется, что Смысл именно здесь! Не мог же он от нас так далеко уйти! Мы спасены! Надеюсь, здесь есть парпюльки? – и, воодушевлённые неожиданным открытием, маленькой победой, друзья, забыв об усталости, побежали вприпрыжку, взявшись за руки, навстречу огонькам. Такие маленькие победы, на самом деле, очень важны со всех сторон: и как маленький шаг на пути к достижению большой цели, и как большая победа над маленькой неприятностью.

Животики уже начинали бурчать с громкостью лётомобильного мотора, когда Шмундрик и Куркунчик пришли к небольшой калиточке, поросшей зеленью. Стоял лёгкий туман, и было довольно сложно ориентироваться в пространстве. Но вернёмся к калиточке.

Наши путники остановились в замешательстве, потому что не знали, будет ли правильным открыть её, а также из-за тумана не было видно, что их там ожидает. Но, немного посоветовавшись, они пришли к решению открыть её, потому что было бы глупо отступить, прийти домой ни с чем, а потом всю оставшуюся жизнь жалеть о том, что не открыли тогда эту калитку. И Шмундрик, который оказался храбрее своего старшего товарища, потянул за ручку и почему-то отвернулся и даже зажмурился. Дверца не открылась. Но заскрипела, причём с таким звуком, который издавать могло только живое существо. Шмундрик испугался, а звук повторился. Немного осмелев, Шмундрик опять повторил свою попытку. И снова живой скрип. Тут до него дошло, что зелень в изгороди двигается, имеет глаза и рот, которым и издаёт эти непонятные звуки. И Шмундрик решил продолжить общение, вернее начать, потому что общения, как такового, и не было. И он сказал:

– Здравствуйте, Живая Изгородь!

– Что ты, маленький ик, меня зовут не Изгородь, я Мадам Иввет, хранительница наших мест, – всё это было сказано надменным тоном, она растягивала буквы, делала паузы между словами и говорила немного в нос, от всего этого Шмундрик почувствовал себя ещё более маленьким.

– Извините, Мадам Иввет.

– Вот, так-то лучше, извинения приняты, – перебила своенравная Живая Изгородь.

– Так вот...

– Не так вот, а Мадам Иввет, я же вроде ясно повторила своё имя.

– Мадам Иввет, а что за места вы охраняете?

– О! Восхитительный городок! Здесь живут самые избранные представители всей Страны. Здесь обитают самые красивые и ароматные Цветы, самые большие и полезные Овощи, самые сладкие и сочные Фрукты, самые ветвистые и могучие Деревья, вся растительная элита Страны, и это прекрасно! – и Живая Изгородь мечтательно закатила глаза. Шмундрик на всякий случай тоже закатил, но это ему не помогло.

– А как называется ваш городок?

– Флоррум! И это самое замечательное место в Стране. А что вам здесь надо? Вы, я смотрю, не большие овощи и точно уж не ароматные цветочки! – сказала изгородь, поморщившись. Друзья не мылись уже четыре дня, её можно было понять.

– А вы не видели, Мадам Иввет, здесь к вам не стучался никакой Смысл Жизни?

– Что? Что за вздор! Ну, как это абстрактное понятие может ко мне постучаться? Это же, смешно! – и она выжала из себя попытку надменной улыбки, но, видимо, так давно не улыбалась, что ничего у неё не вышло. Шмундрик же не видел в этом ничего смешного, и, взяв Куркунчика за руку, он легонечко пнул высокомерную Изгородь и зашёл во Флоррум, хлопнув ею, как следует. Позади себя он услышал: «Какое безобразие! Ходят тут всякие малолетние редиски и нарушают спокойствие! Куда катится мир?», но это были звуки пройденного этапа, а впереди друзьям открывалась жизнь слегка туманного Флоррума.

Они перешли по красивому каменному мостику через небольшую речушку, прошли пещеру со сталактитами и сталагмитами, разницу между которыми Шмундрик так и не запом-

нил даже после долгих маминых объяснений, они полюбовались на спящие Деревья, действительно могучие, а тем временем туман рассеялся и очертания города и его обитателей стали чётче.

И вот тогда Шмундрик и увидел главную достопримечательность городка – огромную серебряную лейку. Из неё лилась ароматная вода, а под ней был устроен прекрасный аквапарк, в котором резвились красивые, сочные Овощи, Фрукты и нежились Цветочки. Многолетние деревья взирали на всех сверху вниз с высоты своего могущества и делали вид, что они выше всех этих развлечений, но всё же, стояли по середине ствола в воде.

Аквапарк был поистине замечателен! Водопад из лейки искрился на солнышке, вода внизу пенилась, так как падала с большой высоты, а рядом были устроены всевозможные горки. Маленькие симпатичные Парпиольки скатывались со смехом с одной из горок, а Шмундрик с ужасом вспоминал, что недавно ел их, причём с огромным удовольствием вгрызаясь в сочную мякоть. И ему стало непреодолимо дурно. Он сказал Куркунчику:

– Я отойду, а ты тут пока осмотришься, – и он взялся за живот. Куркунчик же будто находился в трансе. Он, как замороженный, смотрел на Лейку, и в его голове крутилось множество вопросов. И он решился их задать. Для начала он подошёл к старинному Дереву, скорее всего, к Дукону, и, собрав всю смелость из своих самых дальних уголков, он начал:

– Уважаемый Мистер Дерево!

– Меня зовут Дук, я редкая форма дукона! Прошу обращаться ко мне именно так! – дерево говорило таким профессорским тоном, который непременно у кого бы то ни было должен был вызвать уважение. И Куркунчик не исключение. Хоть он и был уже довольно взрослым по сравнению со Шмундриком, но рядом с Дуком он чувствовал себя мелкой букашечкой.

– Уважаемый Мистер Дук! Вы не знаете, как работает эта Лейка?

– Лейка? Это же элементарно – из неё течёт вода.

– Я вижу это, но откуда она течёт? И как давно? И каким образом?

– Не слишком ли много вопросов для такого маленького ика?

– Вопросов действительно много, поэтому я очень долго искал того мудреца, кто смог бы мне ответить. И тут я увидел огромного, могучего и, наверняка, невероятно умного, Мистера Дука! И я просто не могу не обратиться именно к вам с этими вопросами, ведь кто ещё во всём белом свете сможет дать на них ответы, если не вы? – Куркунчик явно хитрил, но хитрость удалась, так как Дерево многозначительно покачало головой, а на щеках его появился оранжевый оттенок – так краснеют дуконы.

– Что ж, тут ты прав, вот шельма! А ведь я знаю ответы на твои вопросы. Я был при рождении этой Лейки, я здесь останусь до её конца.

– Глубокоуважаемый Мистер Дук! Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы поведали и мне эти ответы, так как именно за ними я и пришёл в Ваш удивительный Флоррум.

– Лейка не так хитра, как кажется на первый взгляд. Вода первоначально была набрана из чистейшего горного источника. Много лет назад в этих местах правил король Оворад. А те времена были ой, какие беспокойные! И вот донесли королю, что готовится набег на городок, приблизиться враги должны были через лунный месяц. И собрал Оворад своих советчиков, и начали они, так сказать, обсуждение. Три дня шёл совет, и вот вышел

король наш и отдаёт приказание: «Велю строить бочку огромную, наполнить водой хрустальной до краёв и поставить за мой дворец, чтоб противнику было не добраться до неё. Сроку вам на постройку – десять дней, как хотите, так и укладываетесь!» – и хлопнул дверью. Как сейчас помню, такая суматоха поднялась! Все забегали, загалдели, кто-то разворачивал чертежи, а кто-то думал.

И вот к концу дня приняли главный план, а суть его была такова: чтобы построить бочку, надо много железа, а железо есть лишь у соседей, значит, надо будет идти туда. Там заготовить железо, перекинуть по реке, у нас принять и начать строительство. В это время вторая группа должна была из железа трубы делать, которыми наполнять бочку надо будет, и нести трубы эти к горному источнику. Так получилось, что я попал во вторую группу и пошёл эти трубы нести. И вот мы добрались до источника, а там воды нет! Мы сначала не поверили, копнули немного, с другой стороны посмотрели – воды нет. Мы и не знаем, что делать. Обрато возвращаться – так это что, напрасно путь долгий проделали? И решили мы пойти дальше, ведь где-то ещё должна же быть вода!

Мы шли, шли, пока не столкнулись с новой проблемой – железо стало заканчиваться, а поискам ещё края не видно. И сами мы подустали. И решили разделить на четыре группы – чтоб на все четыре стороны хватило, железо поровну поделили, если воду найдём. Попало мне по жеребьёвке на север идти, а там, как я был наслышан, жил народ уж больно агрессивный ко всем посторонним. Но я не побоялся – пошёл.

Прошёл я немного и добрёл до небольшого дворца с высокими башенками, а на башенках два таких страшных барматара сидят. И мрачно всё так вокруг, травы нет, только песок, над замком тучи сгущаются, а окна паутиной заросли. В таких местах, подумал я, не то что хрустального источника, тут и болота не найдётся. Но, раз уж пришёл, надо быть уверенным наверняка. Подошёл я к замку, там огромная дверь, а на двери две ручки-стучалки с головами, как у барматаров. Взял я одну, хотел постучать, а она как тятнет меня за палец! Я зубы стиснул, и свои, и её, и как стукну по двери! А потом ещё разочек и ещё, для полной уверенности.

Тут слышу шаги за дверью, громкие такие. Я себе говорю: «Ты большое могучее дерево, тебе ничего не страшно», а у самого ветки трясутся. Звук открывающегося засова – и вот дверь открыта. Передо мной маленький старичок в железных тапках, улыбается и приглашает меня во дворец. Ничего себе агрессивный народец! Я, что делать, иду, еле помещаюсь, всё же могучее дерево. Он усаживает меня за столик и ведаёт историю о том, как его по молодости заколдовала какая-то волшебница, и теперь над его дворцом постоянно тучи и дожди, а сам он вынужден ходить в железных ботинках, что ему невероятно в тягость. И что он живёт только тем, что у него есть небольшой родник на задворках сада, и он так залиvisto журчит, что старик как с другом с ним и разговаривает.

Я от такой новости, что вода есть, конечно, приободрился. Правда, дорог был ему тот родничок, и я призадумался, как бы так получше ему всё объяснить. Не молод он уже, всё ж таки. Думал, думал, как бы поделикатнее сообщить, потом собрался и выложил всё как есть. Старичок стойкий оказался, отреагировал нормально, без видимых проявлений сожаления или чего-нибудь там ещё. Взял, да и проводил меня к источнику.

Я тут же за работу, соорудил трубы, проверил всё и попрощался со старичком. До сих пор не знаю, как он перенёс потерю, с кем теперь разговаривает... Никак себе этого простить не могу, что даже не поинтересовался. А сейчас годы уже не те, не дойду, боюсь, до старичка. Он ведь нам жизнь спас! Спас бы, если бы на нас всё же напали... Но не напали. Получается, не спас?... Эх, наверное, это всё.

– Но причём здесь лейка? – недоуменно спросил Куркунчик, опасаясь, что пропустил какую-нибудь важную деталь.

– Ах да, я совсем забыл. Соорудили мы бочку, провели трубы и ждём. А враг всё не нападает. Прошёл уж и лунный месяц, и второй, и третий... И вот в один пасмурный день прилетает, еле дыша, птица невиданная, сорока, кажется, и приносит весточку, что, дескать, будьте спокойны, варваров остановили уже соседние племена. Все вздохнули свободно, обрадовались сначала, а потом вопрос встал – куда ж теперь эту самую бочку девать. Все собрались около неё, а царь и его совет удалились на совещание.

Долго они совещались, только вот под конец вышел царь и прочитал свой план: «Флоррумцы! Приказываю вам бочку эту в лейку переделать, душ то есть огромный такой, и чтобы там в воде на горках можно было кататься. Развлекаться, значит. В Ежандуме такое есть, пусть и у нас будет. Даю на всё про всё 15 дней», – и удалился, за ним его советники засеменяли. Честно говоря, не совсем хороший он правитель, Оворад этот. Ну а мы, что делать, соорудили. И теперь в наш Флоррум приезжают всякие иногородние растения, и даже иностранцы, чтобы отдохнуть. Охраняет наш город Мадам Иввет, она пропускает только самых избранных представителей флоры. Кстати, а как вы сюда прошли?

– Эээ... Так мы же хотим написать о вашем Флорруме в известную газету! – взрослый друг покраснел, но глубокоуважаемый, всемирнопочитаемый, наиболее полезный могучий Мистер Дук, видимо, опять ничего не заподозрил, лишь ухмыльнулся, представляя, как он будет рассказывать друзьям в лесу, что у него брали интервью, чтобы напечатать.

– Ах, точно же! Я надеюсь, такой образованный ик, как вы, знает, что наш город полностью называется «Туристическо-санаторно-курортно-экспериментальная база Флоррум»? – и Дук прищурил глаза, как будто ждал, что Куркунчик оплошает. Но он не оплошал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.